

Кри Вошечко

Через 47 лет...

— Надо раздвинуть на окна занавески. А то опять соседи заволнуются; жива ли я. Такие беспокойные они у меня. Новаковские вот, например, и нечку растопят, когда совсем разболеюсь, и дорожку к дому отгребут от снега. Люба Тихомирова обед приготовит и меня к себе позовет... — разговоривает хозяйка маленького дома, худенькая, седоволосая, с молодыми в спон 78 лет глазами. Она с трудом передвигается. Как изрочно с утра пошел мокрый снег. Журналы же «для кухарок» напечатали опять график «магнитных бурь». И снова хвори дали о себе знать. От них теперь не денешься никуда. А вот и Екатерина Солдатовна пожаловала. Снова гости...

Одна Хельга Карловна почти не бывает, хотя родных в Сибири никого нет. Все родные и близкие ее в далекой Прибалтике — в Эстонии, Латвии. Последнюю она покинула почти 50 лет назад. Сколько воды утекло с того времени, сколько в жизни произошло перемен. Многие исчезло уже из памяти, хотя на нее Хельга Карловна грех обижаться. И одно она никак не может в этой жизни забыть и не хочет — своего суженого, годы, а вернее месяцы, прожитые с ним, любимым, самым лучшим человеком на свете. Вспомнила она в разговоре со мной об этом, засветились глаза когда-то очень красивой женщины и тут же потухли и голос бодрый как-то увял.

Ночью в квартиру известного в Риге адвоката Чегодаева громко постучали. Клиенты так не могли, да и время давно полночь. По требовательному звонку они оба поняли; за ними пришли. Коротко приведшие бросили:

— Собирайтесь! Шепнул тихонько один из них молоденькой хозяйке: «Прихватите какое кольцо, может, пригодится. На поселение вас отправляют». Разрешили взять с собой 20 кило

граммов вещей — одеяло, одежду, книги. Узнав, что у жены адвоката Чегодаева есть мама, работница НКВД, долго не раздумывая, приказал:

— Всех вместе! Пусть едут!

Это потом, через много лет, станет ясно, что ни в чем не был виноват ее Яков, один из порядочных людей столицы Латвии, бывший защитник, как правило, на процессах таких же людей. Потом узнает его знакомые, что никакой он не шпион. А пока что...

Ночь молодые супруги провели в зарешеченном вагоне. И людей в нем было столько, что трудно даже было стоять. Плакали дети, успокаивали их измученные матери. Никто ни с кем в разговоры не вступал. Страх поселился в душе человека, не верил никто никому.

С 14 июня 1941 года начался отсчет новой жизни семьи Чегодаевых — семья... «врага народа». И на следующий день супругов разлучили. Перевели мужа в другой вагон, где были латыши, эстонцы — офицеры, интеллигенты и крестьяне. Это была их последняя встреча. Оба они как бы такое предчувствовали. Помахал Яков ей на прощание рукой, пытался улыбнуться,

подбодрить, да не получилось. Таким вот растерянным Хельге Карловне часто он вспоминается.

Их, семьи, «врагов народа» повезли в шезеловах на Восток. Трудно словами передать все мытарства. А на одной из станций, не доезжая Кирова, ее свалил с поезда — начались роды. И там, в больнице, молодая мать оставалась под неусыпным надзором НКВД. Куда бы ни пошла, за ней следовал человек с винтовкой. Экая преступница! Не может без волнения рассказывать о том, как конвоировали потом вместе с другими на барже из Новосибирска в Красный Яр. В отчаяние впала молодая мать, когда пропало молоко и нечем было кормить ребенка. Так хотелось сохранить дитя. Да не смогла. И не ее вина в том. Умирали дети ссыльных, как мухи, не привычные к сибирскому климату.

Каково пришлось женщинам, которые в Латвии знали только кухню, а здесь они работали на самых трудных участках — на лесоповале, по колено в снегу. Шла война, мужичи почти не было, и все ложилось на таких вот переселенцев не по своей воле. Многие из них не выдерживали. Здесь, в поселке Юг, похоронила она своего малыша. Казалось, перестало все в жизни радовать молодую женщину. Пыталась она искать мужа. Писала всюду, да не

Берин. А однажды встретила человека, который бывал «там». Не имел он права, а сказал все, что знал о Якове: осужден он на 8 лет без права переписки. Идала она мужа все эти и последующие годы. И как поздно, только 17 октября прошлого года, пришла в Красный Яр правительственная бандероль.

Уже в который раз достает Хельга Карловна большой конверт с ответом, в котором сказано: «Дело Чегодаева Якова Георгиевича, 14 июня 1941 года работавшего адвокатом г. Риги, рассмотрено трибуналом Прибалтийского округа. Постановление от 16 мая 1942 года отменено и дело прекращено. Чегодаев по данному делу реабилитирован». Как поздно пришла эта бумага! Если бы раньше, на 47 лет раньше! Не знала бы Хельга Карловна тех унижений и несчастий. Как, к примеру, покрякивали на жен «врагов народа», подгоняя в работе, как будили ночью, проверяя, все ли в бараке. Так хочется ей встретиться с тем человеком, мастером, который однажды зло бросил им:

— До чего же живучи вы. Скоро ли передохнут? Посмотреть бы ему в глаза: есть ли в них раскаяние?

— Спасибо добрым людям. Мы выжили, — рассказывает Хельга Карловна. И по молодому сме-

ется. У нее мгновенно меняется настроение.

О многих красноярцах в этот день она вспоминала тепло. О людях, которые оборевали их, ссыльных. Не любявшись этим накликал беду на себя, пускали к себе на житье-бытье, делились найком хлеба. То было трудное время для всех. И беда была у многих, а люди понимали друг друга и поддерживали. Без этой доброты и выручки им бы просто не выжить.

ВРЕМЕНА менялись. Многие семьи «врагов народа» вернулись в родные места. Хельга Карловна тоже было собиралась. Друзей у нее много, все приглашали к себе. Долго она думала и однажды поехала в гости к своим «родным землякам». Состоятельные они все стали. У каждого отличные квартиры, машины, дети, внуки, свои семьи и судьбы. И показалось ей, что нет, не сможет она жить там. Нашла по памяти в Риге тот дом, из которого той ночью их вывели с узлами 14 июня сорок первого. Поднялась очень быстро, аж сердце замерло, на свой этаж. И, было, руку протянула, чтобы нажать кнопку звонка в свою бышую квартиру, да раздумала. Кто его знает, какие люди тут живут. Да и стоит ли беречь прощное, в котором иногда никто не позвонился.

Вернулась она из гостей снова в свой «скворечник», как Хельга Карловна называет домик, построила который, взяв ссуду. И твердо решила: никуда не уеду! Приезжал прошлой осенью к ней гость из Латвии, из

управления делами Совета Министров, беседовал, рассказывал о муже. Рассказала она земляку о своем житье-бытье. Не забыла много теплых слов сказать о своих красноярцах-соседах. Сказал ей гость о возможной в будущем компенсации, дескать, вопрос этот решается «в верхах».

— О какой компенсации сейчас может идти речь? — Хельга Карловна снова разволновалась, как и тогда. — Я и не помню, что у меня было из ценного. Да и язык у меня не повернется, чтобы что-то просить. Беда в стране сейчас — Армения. Да и что теперь надо... Пенсию получаю. Люди не забывают. А прошлого не вернуть.

Она, конечно, имела в виду не материальные ценности, а мужа, близких, оправдание которым пришло так поздно. Но знает теперь она, что не стало суженого еще 4 июня 1943 года. Узнала, что не виноват он был. И радуется, что дождала до этого дня. И от этого становится на душе ровнее, спокойнее. Нашла-таки!

Вторая встреча в Красном Яре состоялась у меня с семьей реабилитированных. Вдовы уже в преклонном возрасте, не могут похвастаться здоровьем. И вот мне о чем подумалось: не так уж многие из них дожили до этих дней, их в районе единицы. И долг наш — окружить их вниманием, заботой. Пусть почувствуют они нашу теплоту и еще раз убедятся в обязательности справедливости.

С. МОСИНА,
р. п. Красный Яр.